

Карабулатова И.С. (Россия, Тюмень)
Karabulatova I.S. (Russia, Tyumen)

Евразийская языковая личность: характер взаимодействия славянских и тюркских языков в коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья

В докладе рассматриваются процессы взаимопроникновения языков в структуре современной евразийской языковой личности, выявляется характер интерференции, ведущий к появлению новых черт в региональном языке российско-казахстанского приграничья. Евразийская языковая Российское приграничье представлено югом Тюменской области, казахстанское приграничье – Северным Казахстаном. Русское население данной территории последовательно ассимилировало представителей многих народов, проживающих в исследуемом регионе (ханты, манси, коми, казахи, татары и др.), являя собой пример сложного метисного населения с преобладающей русской доминантой. На примере речи местных казахов и русских авторы показывают, каким образом происходит трансформация внутри современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья.

Abstract. The article deals with the processes of interpenetration of languages in the structure of modern Eurasian linguistic identity, reveals the nature of the interference, leading to the appearance of new features in the regional language of the Russian-Kazakh border areas. Russia's border areas show the south of the Tyumen region, the Kazakh border region - North Kazakhstan. Russian population of the area consistently assimilated representatives of many people living in the study region (Khanty, Mansi, Komi, Kazakhs, Tatars, etc.), showing an example of a complex half-blood population Russian-dominated dominant. On the example of speech local Kazakhs and Russian authors show how the transformation in modern Eurasian linguistic identity of Russian-Kazakh border areas.

Тесные межэтнические контакты являлись и являются отличительной чертой российско-казахстанского приграничья, к которому относится Северо-Казахстанская область и Тюменская область. Для Тюменской, Омской, Новосибирской, Астраханской, Саратовской, Оренбургской, Курганской областей и Алтайского края казахи являются коренным народом, хотя ряд исследователей, считает их диаспорой. Вместе с тем их языковая деятельность как на родном языке, так и на русском языке не была предметом пристального внимания ученых. Российское приграничье в нашей работе представлено Тюменской областью, казахстанское приграничье – Северным Казахстаном. В ситуации Тюменской области, где первое место среди этносов занимают русские, а второе – татары, это может быть либо русско-татарское, либо татарско-русское двуязычие с характерными этнолингвистическими дифференциациями. Однако чем ближе к российско-казахстанской границе, тем ярче проявляются черты казахско-русского и русско-казахского двуязычия также. На сегодняшний день этническую мозаику Тюменской области составляют свыше 150 этносов и субэтносов. Этому способствует и массовые миграции из близлежащих, более слабых в экономическом плане регионов и даже государств. Например, из Казахстана, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Сербии, Азербайджана [Карабулатова, Беженцев, Койше 2010]. Три мощные этнические силы сформировали этнический ландшафт Тюменского региона: угры, тюрки и славяне.

В условиях глобализации и развития самостоятельных независимых государств на постсоветском пространстве стало очевидным, что взгляд на многие процессы и явления как в общественно-политической, так и в культурной, экономической и других сферах, равно как и их оценка существенно подверглись переосмыслению.

Рассматривая русский язык со стороны российской зоны приграничной территории с Казахстаном, необходимо учитывать, что русское население Тюменского региона в свое время ассимилировало представителей угорских (ханты, манси, коми), тюркских (татар,

казахов), славянских (украинцев, белорусов). В анализируемой зоне русские и украинцы появились в период столыпинских реформ, в тот период данная территория относилась к Сибири. Несмотря на отрицательное отношение православной церкви к бракам с некрещеными, казаки, купцы, да и просто крестьяне и иные служилые люди в Сибири почти поголовно были женаты на местных женщинах, в результате чего возникли русские субэтнические сообщества – группы метисного населения, антропологически близкого народам-соседям [Карабулатова 2001; Койше 2004]. Возникает справедливый вопрос: отразилось ли это смешение на языковой способности? Какое место занимает в этой связи тюркско-татарская интерференция в русском языке и славяно-русская в коренных тюркских языках в таких метисных группах? Как справедливо отмечают исследователи, в местной речи русских наблюдаются и некоторые особенности произношения, перешедшие из языка-источника: **кыргызы, кыртма, тынгыте, кысы, башкыры**. По мнению М.А Романовой, употребление **Ы** после заднеязычных **К/Г** внутри слова в русских тюменских говорах усвоено из татарского языка, где сочетание **КЫ/ГЫ** широко распространено [Романова 1988: 14]. Уватского, Тобольского, Нижнетавдинского, Ярковского и Тюменского районов исследователи справедливо относят к вторичным, сложившимся в 17 – середине 18 вв. на базе северновеликорусских говоров (вологодских, вятских, пермских и др.).

Не вызывает сомнений, что эти говоры тесно контактировали с тюркскими диалектами, что, в свою очередь, привело к развитию в русских говорах специфических явлений. Нельзя не согласиться с А.А.Биляловой, что «вариантность представляет несомненный интерес для исследователей самых различных уровней и сфер языка; литература по данной теме очень обширна и в то же время противоречива. Обзор исследований в этой области позволил выявить общепризнанные положения относительно сущности, природы, роли, места, выполняемых функций вариантности. Итак, основными направлениями исследований в области вариантности являются: смена вариантов, их конкуренция, классификация, соотношение вариантов и нормы, вариантность и тождество слова, прогнозирующий характер вариантности и др.» [Билялова 2007: 11].

Тюменские, красноярские и кемеровские исследователи активно разрабатывают вопросы формирования русской языковой личности, а также русскоязычной языковой личности на основе взаимодействия государственного русского языка и родного языка в повседневном речевом общении жителей конкретных регионов. В то же время переселенческие русские говоры российско-казахстанского приграничья не изучались ни казахстанской, ни российской стороной, что диктует необходимость более тщательного анализа взаимодействия тюрков и славян на указанной территории. Фонетическая система говоров лишь западных поселений Горькой линии на современном этапе развития с прослеживанием истории некоторых фонетических и морфологических явлений была исследована в работах Кокобаева М.К. [1965], консонантизм в работах Ахметовой Б.З. [2010]. Население данного региона устойчиво, и носители русских говоров в основном своем составе являются потомками первых переселенцев, пришедших сюда из северных областей России – Вологодской и Пермской.

Факты казахского языка говорят, что как северо-восточный, так и остальные диалекты казахского языка еще до образования литературного языка заимствовали немало слов из арабского, персидского, русского и других языков. Но при всем этом каждый из диалектов по-своему ассимилировал новые слова. Так, например, русское слово «**кровать**» в первое время на западе Казахстана звучало **керуерт**, на юге – **керует**, а на северо – востоке – **кереует**.; русское слово «**самовар**» на западе звучало **самауын**, а в южных и северо – восточных областях – **самауыр**; русское слово «**печь**» – на западе звучало **беш**, на северо- востоке – **пеш**.

Есть своя специфика в адаптации русских слов и в языке сибирских казахов, проживающих на юге Тюменской области, Курганской и Новосибирской областях: «**түрба**» от русского «труба» употребляется в двух значениях: 1) труба самовара и 2)

печная труба; «**шарып**» - «шарф»; **кіренке** – «крынка»; **күпшін** – «кувшин» и др. Кроме того. Встречаются и в языке западносибирских казахов и усеченные заимствованные слова: «**зарпылат**» – «зарплата», **мәшін** – «машина», «**оғылоп**» - «оглобля».

Наши наблюдения показывают, что на язык казахов Западной Сибири наряду с литературным русским языком существенное влияние оказали говоры переселенцев более позднего времени. Так, слова **крынка (кіренке)**, **сенник (сенек)**, лист «противень» (**ілес**) – отражают активный процесс взаимодействия с южными говорами.

Влияние русского языка на казахскую речь западносибирских казахов оказалось настолько существенным, что мы наблюдаем замену исконно казахских слов русскими заимствованиями: **борат** «ворота» (вместо қақпа), **істене** «стена» (вместо қабырға), **седелқы** «седелка» (вместо ершік), **кәсек** «косяк» (вместо жақтау), **район** «район» (вместо аудан), **сентір** «центр» (вместо орталық), **мәркоп** «морковь» (вместо сәбіз), **сібекіле** «свекла» (вместо қызылша), **арбыз** «арбуз» (вместо қырбыз), **гыранат** «гранат» (вместо анар), **кокраз** «кукуруза» (вместо жүгері), **шылан** «чулан» (вместо ас үй), **шернер** «шарнир» (вместо топса). и др. Интенсивность влияния проявляется в том, что выбор между синонимами идет в пользу русского слова, вернее, слова русского происхождения.

Мы можем сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом. Нельзя сказать, что мы наблюдаем лишь аттрикцию казахского языка западносибирских казахов под влиянием русского окружения, казахский язык также оказывает существенное влияние как на русскую речь казахов и татар, так и на русские говоры российско-казахстанского приграничья в казахстанской зоне. Иными словами, диалектная русская речь оказывает существенное влияние на формирование русскоязычной языковой личности билингва, поскольку является не просто особым типом речевой культуры [Гольдин 2001], но в отдельных случаях – единственным примером живой звучащей русской речи как таковой.

Так, непозиционное оглушение звонких согласных фонетического происхождения в ряде русских говоров на указанной территории развилось в Северном Казахстане под иноязычным влиянием [Ахметова 2010]. В речи казахов и татар в словах, заимствованных из русского языка, наблюдалось явление оглушения звонких согласных. Н.К.Фролов в своих работах приводит вогульское (малые народы Сибири) заимствование из русского языка **п'ус'ка** из «бочка» [Фролов 1996].

По-видимому, распространению данного явления могло способствовать тюркское окружение. Наблюдения показывают, что казахи и татары в русской речи постоянно смешивают в фонетически не обусловленном положении звонкие и глухие согласные : **склатной**, **ношык** (д.Октябрьское), **пыл'и** «были», **друкой** «другой» (дд.Айдарлы, Жамбыл), **нато** «надо», **готу** «году», **б'итный** «бедный» (д.Койбагор), **трутна** «трудно», **тва** «два», **хот'ат** «ходят», **поклату** «покладу» (д.Жумагул), **атна** «одна», **тасв'итан'а** «до свиданья», **кар'ит** «горит», **латом** «ладом» (д.Степное), **упрал'и** «убрали», **пал'ит** «болит»(д.Челгаши).

А.С. Аманжолов, В.А. Богородицкий отмечают в казахском и в татарском языках относительно слабую артикуляцию звонких взрывных по сравнению с соответствующими русскими согласными [Аманжолов 1957; Богородицкий 1953].

Интересно и то, что фонетически не обусловленные варианты согласных фонем по звонкости – глухости нами отмечены главным образом в русских говорах тех селений, где можно предположить длительное взаимодействие казахского, татарского и русского населения (дд. Койбагор, Челгаши, Карамырза, Суйгенсай, Уйское, Айдарлы, Целинное, Козубай) ...латом м'ет'и / н'есклатно получатса у т'еб'е // сд'ес'а фс'е нас'ии вм'ес'т'и друшно так // а ч'о нама д'ел'ит' // пывало п'ешым помоч' сус'ету // ой кар'ит там в'ит' што – то ../ пал'ит по ч'ом ср'а // ус'у разом убрал // од'еша у йих крас'ива ../ (Закиева

А.С., 69 лет, д.Целинное); прос'ил на пол и ушел / разп'итайа фс'а с'ижу // трутно б'ес св'ета // атна и живу // друкой рукой б'ару // (Капкаева К.Г., 72 г., д.Козубай).

Звонкие согласные, преимущественно взрывные, в положении между гласными могут ослабляться до полного исчезновения: д – **нароу, буут** (дд.Зареченка, Анновка – 7чел.); д' – **д'аин'ка** (дд.Носовка, Ксеньевка –9 чел.), **хоит'** (д.Целинное –6 чел.); г – **н'е б'еай** (дд.Маршановка, Полтавка- 13чел.); б – **во штобы то н'е стало** (Пальцева А.Т., д.Карамырза); **баушка** (повсеместно).

Для многих русских говоров российско-казахстанского приграничья с казахстанской стороны характерно смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных: **мал'ен'к'о** (д.Белоглинка 3 чел.), **гор'к'а** (д.Орнекский –6 чел.), **в'ит'к'а, пас'к'а** (д.Пешковское-10 чел.), **койк'у, бойк'а** (д.Победа-9чел.). Мы полагаем, что сохранению данного явления в наших говорах способствует соседство с татарским языком. Например, ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в Костанайской области распространено главным образом в говорах Карабалыкского района, где можно предположить длительное языковое влияние со стороны татарского населения.

В русской речи татары постоянно смягчают к в словах с мягким согласным или передним гласным в предшествующих слогах: **вад'иш'к'а** (д. Победа –9чел.), **стул'ик'а, халотн'ин'к'а** (д.Саманы-13 чел.). Ср. также приводимые В.А.Богородицким татарские заимствования из русского языка: «**ч'ар' к' а**», «**ч ашк а**» [Богородицкий 1953: 165].

Территориальное соседство русских и казахов, их экономические и культурные связи, а также тесные бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для лингво-этнической ассимиляции.

Языковые особенности местных тюркских диалектов не могли не способствовать продолжительному сохранению фонетически не обусловленных вариантов согласных фонем **Ф-Х, Ф-П**. Система согласных тюменского диалекта татарского языка характеризуется полным отсутствием фонемы Ф. Эта особенность тюменского диалекта подробно рассмотрена в работах Д.Г.Тумашевой [1968], Х.Ч.Алишиной [1999], где указывается, что согласный **Ф** в тюменском и тобольском диалектах в арабо-персидских и русских заимствованиях заменяется на **П**: **перма** - ферма, **пакир** - нищий «факир», **педерация** – федерация, **прукты** - фрукты и т.д. В свою очередь, произношение слов **патограпы, панера** с **П** вместо **Ф** в окающих старожильческих говорах может быть передачей татарского произношения этих и подобных им слов. Интересно, что и интонационная система татарских говоров нашего региона совпадает с интонационной системой местных русских говоров [Романова 1988].

Лингвистическая география выделяет, кроме того, островные диалекты, говоры. Например, говор дер. Задонка Ишимского района - южнорусский остров, а если быть точнее, то даже украинский, в севернорусском старожильческом окружении [Карабулатова 2001]. В соседнем Сладковском районе казахи активно используют в своей русской речи украинские слова, полагая, что это слова русского языка. Аналогичная ситуация сложилась и Кийминском районе Акмолинской облсти (ранее этот район относился к Тургайской области). Автору вспоминается встреча с 90-летней казашкой из с.Кийма еще в 80-ых годах прошлого века, которая довольно чисто говорила по-украински, но при этом она полагала, что говорит по-русски. На наш взгляд, казахи, не имея перед собой образца русской речи, активно взаимодействуя с южнорусским и украинским населением, стихийно усваивали славянскую речь, что способствовало формированию мутуального характера евразийской языковой личности. Следует отметить, что украинские слова используются уже и в казахской речи сибирских казахов.

Русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области заслуживает особого внимания, поскольку для нее характерно смешение русского, украинского и казахского, татарского языков. При этом совсем не обязательно полноценное владение и языками, формируется некий региональный языковой и речевой колорит, реализующийся в

коммуникативном пространстве российско-казахстанского приграничья. Например: **соображай жок** – «несообразительный», **прикол гой** – «шутка» (где гой – усилительная частица казахского языка), **жандыргалка** – «зажигалка» (жандыру «жечь» + зажигалка), **токтановись** – «остановись» (токта «стой» + остановись) и т.п. [Беженцев 2011: 19]. Это явление не является новацией последнего времени, но может иллюстрировать и характер более раннего обогащения русских говоров Тюменской области на базе тюркских заимствований: **наяцкий** – «красивый» [Данильченкова, 1985: 33], **куянистый** – «трусливый», «как заяц» [Дмитриева, 1981: 72-86].

Эти и другие факты подтверждают наше предположение о том, что мы имеем дело с инвариантами евразийской языковой личности, проявляющейся и как тюркоязычная языковая личность и славяноязычная языковая личность, которые формируются при прямом и/или опосредованном участии языков-контактеров. В ситуации русско-казахстанского приграничья тюркоязычная языковая личность, представленная носителями татарского и казахского языков, испытывает мощное влияние русского языка на всех ярусах, при этом сами носители языка могут не осознавать степень воздействия русского языка на их родной язык. В связи с этим. На наш взгляд, правомерно выделение русскоязычной языковой личности. Думается, именно этот тип языковой личности подразумевается в современном политическом дискурсе под именем «соотечественники». Следует признать, что русскоязычная языковая личность российско-казахстанского приграничья включает в себя огромный пласт заимствований из тюркских языков, также прослеживаемый на всех языковых уровнях. При этом подразделение на русскую и русскоязычную языковую личность обусловлено следующими параметрами: под русской языковой личностью российско-казахстанского приграничья мы понимаем этнических носителей русского языка, проживающих по обеим сторонам границы; под русскоязычной языковой личностью мы понимаем билингвов, говорящих по-русски, но владеющих в той или иной степени родным языком. Мутационный характер эволюционного развития языков-контактеров обеспечивает плавный переход от тюркоязычной языковой личности к русской языковой личности, где промежуточным звеном является русскоязычная языковая личность, обеспечивающая понимание и межкультурную коммуникацию между такими неблизкородственными языками, как татарский // русский и казахский // русский. Результатом такого действенного эволюционного развития различных типов национальных языковых личностей становится евразийская языковая личность, внутри которой происходит постоянный мирный диалог культур Востока и Запада.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. В 2-х частях. Тюмень, 1999.
2. Аманжолов А.С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка.- Алма-Ата, 1957. -368с.
3. Ахметова Б.З. Речевой портрет носителя просторечий. - Монография. - Научное издание. - Костанай: КГУ им. А.Байтурсынова, 2010г. – 248 с.
4. Беженцев Е.В. Специфика функционирования языков в полиэтническом пространстве Тюменской области (на материале русского, татарского, украинского, казахского языков). АКД, Тобольск, 2011. – 26 с.
5. Билялова А.А. Сопоставительный анализ факультативности как проявления вариативности в разноструктурных языках (на материале татарского, русского и английского языков): научная монография / А.А. Билялова. – Набережные Челны: Изд-во Камской госуд. инж.-экон. акад., 2007. – 212 с.
6. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. - Казань, 1953.-210с.
7. Вафеев Р.А. Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии. Тобольск: ТГПИ им.Д.И.Менделеева, 2001. – 143 с.

8. Гольдин В.Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка.- М.: Изд.- во МГУ, 2001.- С.65-66.
9. Данильченкова С.М. Тюркизмы в говорах юга Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири. – Тюмень: ТГУ, 1985. – С.30-34.
10. Дмитриева Т.Н. Тюркизмы в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимологические исследования.- Свердловск, 1981. - С.72 -86.
11. Карабулатова Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии). Тюмень, 2001.
12. Карабулатова И.С., Беженцев Е.В., Койше К.К. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья. Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 148 с.
13. Койше К.К. Межкультурные взаимодействия казахов: исторические и демографические аспекты /Материалы международной научно-технической конференции, посвященному году России в Казахстане «Теория и Практика исследования процессов рыночных преобразований в странах Ближнего Зарубежья». – Тюмень – Павлодар, 2004. - С.161-162.
14. Кокобаев М.К. Говор западных поселений Горькой линии: Дис. канд. филол. наук.- Алма - Ата, 1965,- 296 с.
15. 16. Романова М.А. Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988. – С. 54-62.
17. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар: В 2-х ч. Казань, 1968.
18. Фролов Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. - Тюмень: Изд-во Тюменск. госуниверситета, 1996. - С.168.